

**ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ПРОБЛЕМ
КУЛЬТУРНОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА**

.....

В. С. Дрягалов, М. С. Топчиев¹

В статье анализируется влияние изменения баланса этнической и конфессиональной идентичностей молодежи на систему культурной и конфессиональной безопасности поликультурного региона. Под конфессиональной безопасностью авторами понимается не столько система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, что является прерогативой скорее религиозной безопасности, сколько предотвращение конфликтов на конфессиональной почве. Делается вывод, что к базовым составляющим механизма сохранения культурной и конфессиональной безопасности следует отнести грамотное формирование этнической и конфессиональной идентичности в молодежной среде. На основе данных социологических исследований, проведенных в 2010-2013 гг., прослеживается динамика изменения этнических и конфессиональных маркеров системы культурной и конфессиональной безопасности в многонациональной среде студенческой молодежи. Опрос проводился на базе Астраханского государственного университета, поскольку данное учебное заведение представляет собой актуальную площадку для изучения уровня толерантности, культурной безопасности и того, насколько комфортно, «безопасно» себя ощущают сами астраханцы в такой поликультурной и поликонфессиональной среде. Это объясняется тем, что помимо представителей региональных этнических групп, количество обучающихся, приезжающих в университет из стран ближнего и дальнего зарубежья, с каждым годом увеличивается. Из-за этого процесс естественного вхождения в среду Других заставляет большинство студентов определенным образом формулировать свои отношения к представителям других этносов. Динамика проведенных исследований показала, что в студенческой среде в течение трех лет значительно вырос уровень интолерантности. Достаточно высок индекс тревожности, что свидетельствует о проблемах в устойчивости системы культурной и конфессиональной безопасности. Это обуславливает желание львиной доли студентов уехать из региона после получения образования.

Ключевые слова: конфессиональная безопасность, религиозная идентичность, Астраханский государственный университет, социологическое исследование, этническая идентичность.

---

¹ Дрягалов Вячеслав Сергеевич – ведущий специалист Гуманитарного института, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия. Эл. почта: helios82@yandex.ru;

Топчиев Михаил Сергеевич – ведущий специалист Гуманитарного института, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия. Эл. почта: dc_mail@bk.ru.

Статья опубликована при поддержке РГНФ, проект №12-33-01411/12 «Проблемы и перспективы развития конфессиональных отношений в полиэтничном регионе на примере Астраханской области и Северного Прикаспия».

Поликультурность регионального пространства задает определенные социокультурные маркеры, по которым можно определить уровень социальной устойчивости региональной системы. К этим маркерам относятся характеристики культурной, этнической и конфессиональной идентичности, включенные в определенную региональную систему, и соответственно культурная и конфессиональная безопасность. Нарушение сложившегося баланса этносов и конфессий, ощущение угрозы, связанной с Чужим, имеющим другие социокультурные или конфессиональные идентификационные характеристики, меняет вектор межкультурных коммуникаций в региональном пространстве.

Процесс формирования этнической идентичности тесно взаимосвязан с двумя близкими по характеру процессами — формированием конфессиональной и культурной идентичности. В некоторых случаях эти идентичности могут практически совпадать.

Даже в определениях этих типов идентичности мы видим некую общую логику. Культурная идентичность рассматривается как процесс идентификации себя с определенной культурной группой, обладающей общими ментальными и ценностными характеристиками [Moħa Ennaji, 2005]. Этническая идентичность представляется как система самоидентификации с определенной этнической общностью, причем это процесс достаточно длительного формирования личности, сочетающий ее индивидуальный опыт и определенные групповые паттерны данного этноса [Phinney, Ong, 2007; Wijeyesinghe, Jackson, 2001]. Под конфессиональной идентичностью западные исследователи [Arweck, Nesbitt, 2010; King, Elder, Whitbeck, 1997] понимают тип формирования идентичности, связанный с чувством принадлежности к определенной конфессиональной группе. Конфессиональная идентичность не тождественна понятию религиозности. Человек может быть практически не религиозным, но идентифицировать себя с определенной конфессией. В этом случае он должен в той или иной форме разделять ценности данной конфессии. На религиозную идентичность влияют этнические, гендерные и поколенческие факторы, т.е. принадлежность к тому или иному поколению [King, Boyatzis, 2004; McCullough, Tsang, Brion, 2003; Wallace, Forman, Caldwell, Willis, 2003]

Все три типа идентичности — конфессиональная, этническая и культурная, соединяясь в отдельной личности, очерчивают определенную перспективу ее мировидения, предполагают различные способы социализации в среде разных возрастных групп, принадлежащих к разным поколениям и социальным стратам. Различные этнические, культурные и конфессиональные идентичности предполагают и различные способы социального конструирования реальности [Berger, Luckmann, 1966]. Причисляя себя к определенной этнической, культурной или конфессиональной общности, человек декларирует, что признает ее базовые принципы существования в этом мире. Во второй половине XX в. западные исследователи были уверены, что гендерная и этническая идентичности

постепенно вытесняют религиозный компонент из сферы самоидентификации современной молодежи. Однако глобальные процессы, связанные с миграцией крупных массивов мусульманских этносов на территорию Европы и Америки, заставляют их пересмотреть эту точку зрения [Harker, 2001; Hirschman, 2004].

Проблема этнической и конфессиональной идентификации иногда открыто, а иногда латентно связана с проблемой культурной и конфессиональной безопасности. Это связано с наличием некоего устоявшегося понимания расклада этнических, культурных и конфессиональных групп в сложившемся в течение веков культурном ландшафте. Любое нарушение привычного баланса, изменение положения доминантных групп приводит к нарушению стабильной на тот момент системы культурной и конфессиональной безопасности. Отслеживание изменения уровня стабильности этих систем актуально прежде всего для поликонфессиональных и полиэтничных регионов России в связи с тем, что религиозный экстремизм, обусловленный нарастающей транснациональной террористической деятельностью, которая в числе прочих осуществляется и мусульманскими сетевыми институтами, становится одним из политических трендов современности [Мчедлова, 2011].

Понятия конфессиональной и культурной безопасности являются частью более широкого понятия национальной безопасности. Проблемы, связанные с национальной безопасностью, рассматривались рядом ученых [Андреев, 2005; Возженников, 2000; Дерюгин, 1997; Перепелкин, 2000; Пучала, 2003; Серебреников, 1996]. Как отдельные сферы национальной безопасности на современном этапе исследуются духовная безопасность [Архиепископ Иоанн (Попов), Возмитель, Хвыля, 2005; Записоцкий, 2002; Золотова, 1998]; культурная безопасность [Forrest, 2004; Боден, 2000; Романова, Мармилова, 2008; Флиер, 1998]; религиозная и конфессиональная безопасность [Беспаленко, 2008; Карпухин, 2008; Кадыржанов, Нысынбаев, 2003; Мчедлова, 2011; Нашруева, 2008; Шустева, 2008; Van der Veer, Hall, 1999; Linz, 1996; Maier, 1995]. Взаимосвязь этих понятий подробно проанализирована в статье А. П. Романовой и В. О. Мармиловой [Романова, Мармилова, 2008].

Термины «культурная безопасность» и «конфессиональная безопасность» еще довольно новые для отечественной науки и недостаточно разработаны теоретически. За рубежом начали появляться первые определения культурной безопасности только в последние десятилетия, когда она стала трактоваться прежде всего как «способность общества сохранить специфические характеристики, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает, постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [Forrest, 2004].

В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется весьма широко, при этом культура рассматривается не только как объект,

но и как фактор обеспечения безопасности. «Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере, как то предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Это и защита культуры от угроз, и одновременно создание условий для ее гармоничного развития» [Романова, Мармилова, 2008].

Впервые о конфессиональной безопасности упоминается в работах Ж. Бодена в XVIII в. Понятие безопасности рассматривается Ж. Боденом чрезвычайно широко и охватывает кроме обычного спектра составляющих, также экономическую и конфессиональную [Боден, 2000]. Конфессиональная безопасность — это часть культурной безопасности. Под конфессиональной безопасностью нами понимается не столько система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, что является скорее прерогативой системы религиозной безопасности [Кураев, 2004; Карпухин, 2008], сколько предотвращение конфликтов на этноконфессиональной почве (что уже входит в сферу государственной политики). Конфессиональная безопасность включает в себя наличие системы условий для полноценного развития различных конфессий в едином социокультурном пространстве, предотвращающей или, по крайней мере, смягчающей конфликты, связанные с конфессиональной идентичностью людей в рамках этого пространства. А конфессиональная идентичность на самом деле очень часто служит маркером культурной идентичности. Социологические исследования показывают, что за «самоидентификацией себя в качестве православного в ряде случаев стоит не исповедание веры, не принятие *православного* образа жизни, а исключительно признание православия в качестве исторически сложившейся в нашей стране *культурной традиции*. Логичным результатом такого признания становится использование «православности» в качестве надежного и вместе с тем вполне конвертируемого символического капитала, что позволяет расценивать православную идентичность этого рода как один из симулякров постмодерной культуры» [Ипатова, 2006]. В этой ситуации для отождествления личности с православной традицией нет необходимости воцерковленности, принятия не только чисто внешних элементов православной культуры, но и православного образа жизни и глубокого проникновения в догматику. В случае поликультурной или мультикультурной среды логичнее говорить об этнорелигиозной идентичности, поскольку принадлежность человека к определенной диаспоре очень часто выступает основным культурным маркером.

Учет ее возрастающей роли и связанных с этим проблем должен лечь в основу совершенствования механизма конфессиональной безопасности. Это связано непосредственно с восприятием Своего и Чужого, которое в поликультурных регионах достаточно размыто [Романова, Якушенков, 2013]. Исследования социологов во всероссийском масштабе показывают, что значительный про-

цент респондентов разных конфессиональных групп не воспринимает представителей единых с ними конфессионально-культурных общностей, но далеких территориально в качестве Своих. Своими скорее выступают соседи, представители других конфессий, но разделяющие некую общность бытия. «Так, у православных отношение к татарам и башкирам лучше, чем к единоверным грузинам и молдаванам, а респонденты буддийской группы воспринимают представителей восточно-азиатской (буддийско-конфуцианской) культуры — китайцев и вьетнамцев в качестве представителей иностранных торговых диаспор, но не как единоверцев» [Мчедлов, 2006].

Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, поддержание наработанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Нарушение же традиционного равновесного соотношения этносов и конфессий в рамках регионального социокультурного ландшафта приводит к быстрой и на первый взгляд неявной внутренней дестабилизации регионального социума и соответственно дестабилизирует культурную и конфессиональную безопасность. Это не обязательно должно быть выражено только в крупных конфликтах, внимание должно привлекать уже наличие определенных тенденций в молодежной среде, так как именно эти тенденции формируют будущий облик региона.

Это подтверждается серией локальных социологических исследований, проведенных в 2010-2013 гг. среди студентов Астраханского государственного университета, в числе разработчиков которых были и авторы статьи. Основной целью был анализ динамики изменения уровня толерантности полиэтничной и поликонфессиональной молодежи университета и соответственно уровня конфессиональной и культурной безопасности.

Астраханский государственный университет на данный момент представляет собой интересную площадку для исследований такого рода, поскольку кроме представителей региональных этнических групп в университете обучаются студенты из Калмыкии, Дагестана, Чечни, иностранцы из Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Китая, Ирана. Процесс естественного вхождения в среду Других заставляет большинство студентов определенным образом формулировать свои отношения к представителям других этносов и конфессий.

Исследования 2010 г. были направлены на изучение этнической идентификации и уровня толерантности в студенческой среде университета.

Цель исследования — изучение специфики этнической и конфессиональной идентичности в поликультурном регионе в молодежной среде (на примере Астраханской области). В качестве объекта исследования выступала студенческая молодежь г. Астрахани. Предметом исследования являлись особенности этнической идентичности в поликультурном регионе. Основным методом исследования выбран опрос молодежи г. Астрахани (N = 200). Первый блок вопросов анкеты был связан с выявлением понимания университетской мо-

лодежью своей этнической и конфессиональной идентичности и ее роли в повседневной жизни.

Отвечая на вопрос «Что прежде всего объединяет Ваш народ?» большинство респондентов (51,9%) назвали религию, язык, предков, 33,6% ответили: «Гордость за свою нацию», что свидетельствует о достаточно высоком уровне этнической идентичности, 32,1% респондентов отметили общую историю и территорию, 12,2% — общие трудности и врагов, 10,7% — схожие черты и характер поведения.

На вопрос «Обращаете ли Вы внимание на национальную принадлежность своего знакомого?» ответ «да» выбрали 15,3% респондентов, «скорее да, чем нет» — 26%, «скорее нет, чем да» — 29%, «нет» — 29,8%. В связи с полученным результатом можно сделать вывод, что большинство респондентов фактор национальной принадлежности не считают доминирующим в выборе друзей и знакомых, что является одной из отличительных особенностей поликультурного региона. Следует отметить, что менее всего обращают внимание на этническую принадлежность своего окружения казахи («скорее нет, чем да» — 31,3%, «нет» — 34,4%).

Следующий вопрос данного блока был посвящен тому, насколько представители различных национальностей испытывают на себе недоброжелательное отношение из-за принадлежности к определенной национальности. Необходимо отметить, что более всего испытывают недоброжелательное отношение выходцы с Кавказа (51,1%), в меньшей степени — представители славянских народов (11,5%). Такой результат вполне объясним, поскольку в последнее время увеличились миграционные потоки с Кавказа и количество кавказских студентов в астраханских вузах.

На уровне исследования 2010 г. мы попытались отследить симпатию или антипатию респондентов к представителям тех или иных национальностей. По данным исследования, у представителей кавказских народов вызывают симпатию и интерес в основном представители своей нации (табасаранцы, грузины, армяне), русские предпочли татар и казахов, что свидетельствует о некой дифференциации вновь прибывших и старожильческих этносов. Однако часть респондентов одинаково позитивно воспринимают практически все национальности.

Исследования показали, что в студенческой среде высок уровень национальной и конфессиональной самоидентификации среди представителей всех этнических групп, однако более высокая гражданская самоидентификация характерна для старожильческих этносов.

Следующий блок вопросов касался выявления уровня этнической и конфессиональной толерантности. В большинстве случаев определенная этническая самоидентификация влекла за собой и конфессиональную. Представители славянских этносов идентифицировали себя как православные; татары, казахи, кавказцы — как мусульмане; калмыки — как буддисты.

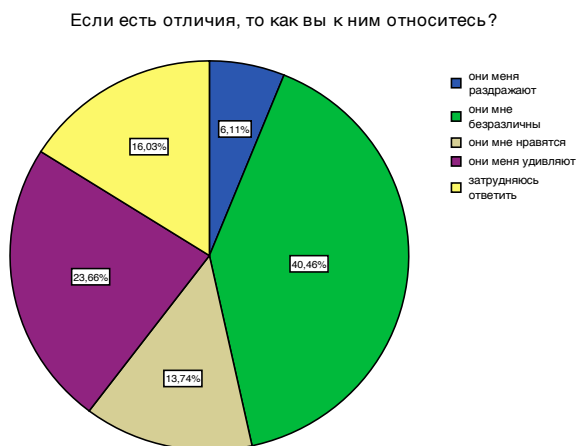

Рис. 1. Ответы на вопрос «Если есть отличия, то как Вы к ним относитесь?»

Рис. 2. Ответы на вопрос «Создают ли трудности в общении с представителями другой национальности отличия, которые вы отметили?»

Мы попытались выявить, какие маркеры влияют на отношение к другому этносу. Так, на вопрос «В какой мере, по Вашему мнению, обычаи, традиции, нормы поведения людей другой национальности отличаются от Вашей?» 39,7% респондентов ответили, что «значительно отличаются», 49,6% — «скорее отличаются».

Что касается отношения к данным отличиям, то для 40,46% респондентов данные отличия безразличны, 23,66% опрошенных они удивляют, 13,74% они нравятся и только 6,11% они раздражают (рис. 1).

Качества, приписываемые себе представителями различных национальностей, %

Качества	Русские	Татары	Казахи	Народы Северного Кавказа
Открытые	84,1	83,3	68,8	55,6
Доброжелательные	68,1	91,7	75,0	66,7
Предприимчивые	52,1	58,3	56,3	50,0
Честные	42,0	50,0	53,1	44,4
Хитрые	37,7	58,3	25,0	27,8
Ответственные	36,2	66,7	62,5	50,0
Безответственные	21,7	7,7	6,3	11,1
Жадные	17,4	8,3	18,8	11,1

На вопрос «Создают ли трудности в общении с представителями другой национальности данные отличия?» 32,82% респондентов ответили, что не создают, 44,27% — скорее не создают, 19,8% — скорее создают и 3,82% — создают (рис. 2).

С вопросом об этнической и конфессиональной самоидентификации связаны те качества, которые данные этносы себе приписывают. Статистика ответов отражена в таблице 1.

Что касается того, как воспринимают друг друга представители других национальностей, то отличительной особенностью татар, по мнению других этносов, оказалась хитрость (74%), казахов — открытость (53,4%), русских — открытость (80,7%), народов Северного Кавказа — предприимчивость (43,55%).

И последний блок вопросов был посвящен диагностике этнического самосознания и его трансформации. В исследовании были рассчитаны типы этнической идентичности по методике, разработанной Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, что показало следующую картину.

Так, у русских такой тип этнической идентичности, как этнофанатизм, колеблется в пределах от 1 до 13, у казахов от 4 до 14, у татар — от 1 до 9, у народов Северного Кавказа — от 9 до 19. Этноизоляционизм у русских колеблется в пределах от 0 до 15, у казахов — от 0 до 9, у татар — от 0 до 12, у народов Северного Кавказа — от 1 до 17. Этноэгоизм у русских колеблется в пределах от 10 до 16, у казахов — от 10 до 13, у татар — от 4 до 8, у народов Северного Кавказа — от 2 до 8. Этническая индифферентность у русских колеблется в пределах от 10 до 13, у казахов — от 10 до 12, у татар — от 3 до 8, у народов Северного Кавказа — от 6 до 10. Этнонигилизм у русских колеблется в пределах от 0 до 8, у казахов — от 0 до 6, у татар — от 0 до 4, у народов Северного Кавказа — от 0 до 6.

Анализ результатов этого блока исследования привел нас к выводу, что только у 1,5% опрошенных высокий уровень этнонигилизма, 15,3% показали высокий уровень этнической индифферентности, 0,8% — высокий уровень

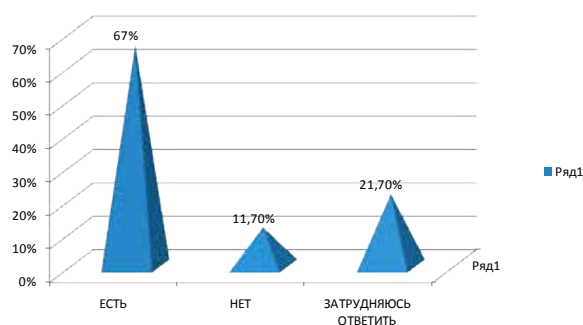

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Есть ли, по Вашему мнению, рост интолерантности в Астраханском регионе?»

этноэгоизма и такой же процент этнофанатизма. В основном средний показатель — это норма.

Исследование 2010 г. выявило, что на фоне довольно высокого уровня толерантности в молодежной среде начинает латентно оформляться восприятие наличия двух групп этносов — Своих (старожильческих) и Чужих, пришлых, в основном мигрантов с Кавказа. В Европе уже на тот момент эта проблема стояла остро и затрагивала систему культурной и конфессиональной безопасности [Романова, Хлыщева, Якушенков, Топчиев, 2013]. Участвовавшие стихийные погромы в мусульманских кварталах европейских городов, организованные мигрантами, в обыденном сознании естественно связывались с их религиозной, прежде всего мусульманской, идентичностью. Такая связь имеется, «но не в качестве первопричины, а как идеологическое обрамление, которое привычно и близко для вовлеченной в волнения исламской молодежи» [Мчедлов, 2006]. Очень часто этнорелигиозная идентичность становится объектом политических манипуляций или неграмотных политических действий. Социологические исследования показывают, что этноконфессиональные характеристики — это прежде всего наиболее яркая оболочка конфликтных ситуаций, и основная масса респондентов осознает их социально-экономические и политические корни. Степень же воздействия религиозной идентичности акторов этих конфликтов на сами политические процессы зависит от совокупности условий. «Религия, не будучи при этом первопричиной, лишь дает дополнительный импульс, мобилизует, сплачивает участников движений, придает им определенную устойчивость и целенаправленность» [Мчедлов, 2006].

Исследования 2013 г. показали, что процессы этнической самоидентификации существенно не изменились. Свою культурную принадлежность к определенной национальности ощущают 81,7% респондентов, 15% не ассоциируют себя с определенной национальной культурой и 3,3% причисляют себя к нескольким нациям.

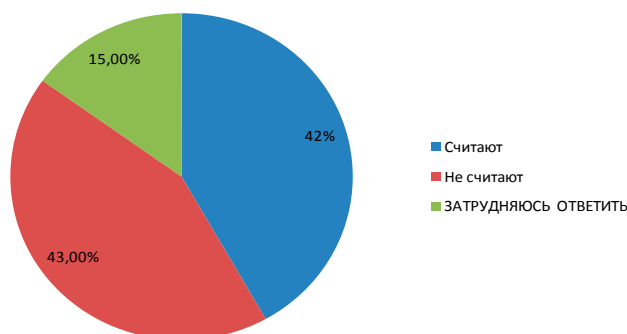

Рис. 4. Ответы на вопрос «Разделяете ли Вы мнение, что представители других национальностей, приезжая, целенаправленно вытесняют коренное население с рынка труда?»

В анкету был добавлен ряд вопросов, связанных с культурной и конфессиональной безопасностью, что позволило выявить тенденции, которые насторожили исследователей при проведении первого соцопроса. Нас интересовало, насколько латентные ранее процессы начинают приобретать зримый характер.

На вопрос «Есть ли, по Вашему мнению, рост интолерантности в Астраханском университете?» 66,7% респондентов ответили утвердительно, 21,7% затруднились ответить и только 11,7% ответили отрицательно (рис. 3).

Как показало исследование, эта интолерантность к пришлым, Чужим этносам не интуитивна и бессознательна, а имеет под собой социоэкономические основания. Около половины молодых респондентов (53,3%) считают, что уровень преступности растет за счет приезжих других национальностей, не согласны с этим утверждением только 33,3% и всего лишь 13,3% респондентов затруднились ответить. Более трети опрошенных (41,7%) полагают, что приезжие представители других национальностей целенаправленно вытесняют коренных жителей с их рабочих мест (рис. 4).

Большее половины опрошенных (60%) согласны с утверждением, что «представители других национальностей, требуя уважать свои обычаи, тем самым вытесняют традиции коренного населения».

Несмотря на то что 78,3% респондентов считают себя толерантными, в целом при анализе ответов на косвенные вопросы можно заметить, что эта толерантность часто лишь декларируемая. Более того, большая часть молодежи не ощущает себя в безопасности. Средняя степень тревожности среди студенческой молодежи (измеряемая вопросом «Оцените по 10-балльной шкале уровень своей тревожности (1 — минимум, 10 — максимум)») равна 7,2.

Переехать в другой регион готовы 45,9% респондентов, скорее готовы — 19,67%, что в совокупности составляет около 67% (рис. 5).

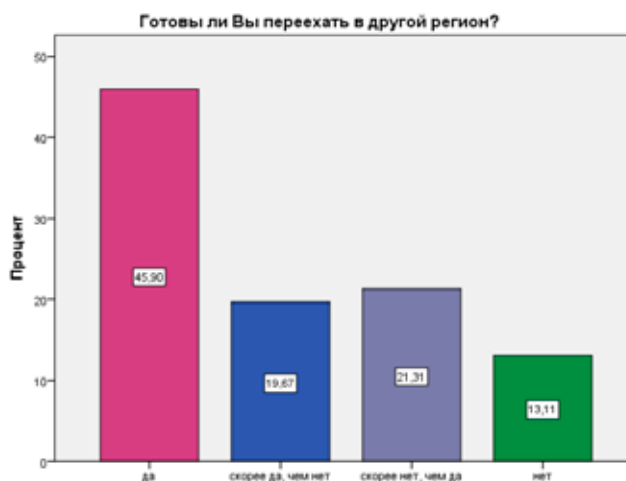

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы переехать в другой регион?»

Еще один нюанс, на который по итогам исследования мы обратили внимание, — уровень гражданского самосознания. На вопрос «Что, по Вашему мнению, может способствовать развитию уважения и толерантности между различными народами?» 37,7% респондентов выбрали ответ «более строгий контроль за соблюдением прав и свобод граждан». Значит ли это, что, с точки зрения опрошенных, их права и свободы в поликультурном регионе не соблюдаются и они не чувствуют себя в безопасности?

Таким образом, мы видим, что процессы, происходящие в региональном социуме, требуют пристального внимания. Наиболее остро на эти проблемы реагирует студенческая молодежь, поскольку она чаще вынуждена вступать в межкультурные контакты и задумываться о вопросах этнической и конфессиональной самоидентификации. Как показывает опыт последних двух лет, астраханское студенчество становится наиболее конфликтогенной социальной стратой. Нарушение исторически сложившегося этнического баланса приводит к увеличению представителей Чужих для данного региона молодежных групп, не желающих вписываться в существующую систему культурной и конфессиональной безопасности. Причем деление на Свои и Чужие идет не на основе конфессиональной идентичности (мусульмане — христиане), а на основе принадлежности к старожильческим или пришлым этническим группам. Нарушение сложившейся системы культурной и конфессиональной безопасности выражается в повышении общего уровня тревожности молодых людей. И в силу этого, обладая достаточно высоким образовательным цензом и соответственно мобильностью, более половины из них готовы уехать из региона.

Библиографический список

1. Андреев, А. П. (2005). *Национальная безопасность как философская категория*. Уфа: СОФИЯ.
2. Архиепископ Иоанн (Попов), Возмитель, А. А., Хвыля, О. А. (2005). *Духовная безопасность России*. Москва: Логос.
3. Беспаленко, П. Н. (2008). Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России. *Научные ведомости БелГУ*, 10 (50), 141-149.
4. Боден, Ж. (2000). *Метод легкого познания истории*. Москва: Наука.
5. Возжеников, А. В. (2000). *Парадигма национальной безопасности реформирующейся России*. Москва: Изд-во ЭДАС ПАК.
6. Дерюгин, Ю. И. (1997). Концептуальные основы политической безопасности России. *Политическая безопасность России: информационно-аналитический бюллетень*, (29), 26-32.
7. Записоцкий, А. С. (2002). Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности. *Педагогика*, 2, 3-8.
8. Золотова, Н. П. (1998). Театр как социокультурный фактор духовной безопасности страны. *Аналитический вестник*, 4 (71), 45-47.
9. Ипатов, А. П. (2006). Православная идентичность как персональный портрет. В *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России* (с. 171-176). М.: Издательство Института социологии РАН.
10. Карпухин, Ю. Г. (2008). Армия, правоохранительные органы и религиозная безопасность. *Вестник РГГУ. Право*, (5), 121-130.
11. Кураев, А. (2004). *Христианин в языческом мире или о наплевательском отношении к порче*. Москва: Эксмо, Яуза.
12. Молчановский, В. Ф. (1997). Безопасность — атрибут социальной системы. В *Анализ систем на пороге XXI-го века: теория и практика: мат-лы международной конференции. Т. 4, Кн. 1* (с. 170-177). М.: Интеллект.
13. Мчедлов, М. П. (2006). Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах. *Социологические исследования*, (10), 26-38.
14. Мчедлова, М. М. (2011). *Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции*: автореф. дис... д-ра полит. наук. Москва.
15. Нысанбаев, А., Кадыржанов, Р. Безопасность Казахстана (2003). *Казахстанская правда*, (232).
16. Нашруева, А. В. (2008). Современные конфессиональные процессы (на примере Республики Калмыкия). В *Народы Калмыкии: проблемы национального самознания и толерантности: сб. науч. трудов* (с. 253-255). Элиста: ПГЛУ.
17. Перепелкин, Л. (2000). Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере. *Конфликт — диалог — сотрудничество*, (2), 9-13.
18. Послание Генерального директора ЮНЕСКО г-на Коитиро Мацууры по случаю Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития (21 мая 2008 г.). (2008). Режим доступа: <http://www.kyrnatcom.unesco.kz/press%20hq/press5.htm>.

19. Пучала, Д. Дж. (2003). *Безопасность человеческая. Глобалистика: Энциклопедия* (с. 63-65). М.: Радуга.
20. Романова, А. П. (2009). Мультиконфессиональность как фактор социальной стабильности. В *Народы Прикаспийского региона. Диалог культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 400-летию добровольного вхождения в состав Российского государства*. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета.
21. Романова, А. П., Мармилова, В. О. (2008). Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности. *Человек. Сообщество. Управление*, (2), 84-94.
22. Романова, А. П., Хлыщева, Е. В., Якушенков, С. Н., Топчиев, М. С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. М.: РОССПЭН.
23. Романова, А. П., Якушенков, С. Н. (2013). Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях. *Вопросы философии*, (2), 49-55.
24. Серебрянников, В. В. (1996). *Социальная безопасность России*. Москва: РИЦ ИСПИ РАН.
25. Сикевич, З. В. (1999). О соотношении этнического и социального. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 11 (2), 71-79.
26. Флиер, А. Я. (1998). Культура как фактор национальной безопасности. *Общественные науки и современность*, (3), 181-187.
27. Шустева, А. И. (2008). *Институционально-правовое обеспечение государственно-конфессиональной безопасности в постсоветской России*: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону.
28. Arweck, E. & Nesbitt, E. (2010). Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? *Journal of Contemporary Religion*, (25), 67-87.
29. Berger, P. L. & Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.
30. Ennaji, M. (2005). *Multilingualism, Cultural Identity, and Education in Morocco*. Boston: Springer Science & Business Media.
31. Forrest, S. (2004). Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. Retrieved from http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21
32. Harker, K. (2001). Immigrant generation, assimilation, and adolescent psychological well-being. *Social Forces*, 79 (3), 969-1004.
33. Hirschman, C. (2004). The role of religion in the origins and adaptations of immigrant groups in the United States. *International Migration Review*, 38 (3), 1206-1233.
34. King, P. E. & Boyatzis, C. J. (2004). Exploring adolescent spiritual and religious development: current and future theoretical and empirical perspectives. *Applied Developmental Science*, (8), 2-6.
35. King, V., Elder, G. H. & Whitbeck, L. B. (1997). Religious involvement among rural youth: An ecological and life-course perspective. *Journal of Research on Adolescence*, (7), 431-456.
36. Linz, J. J. (1996). Der religiöse Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion Ersatzideologie gegen Ersatzreligion. "Totalitarismus" und "Politische Religionen". *Konzepte des Diktaturvergleichs* (pp. 125-140). Paderborn: Ferdinand Schöningh.

37. Maier, H. (1995). *Politischereligionen. Die totalitaeren regime und das Christentum*. Freiburg; Basel; Wien.
38. McCullough, M. E., Tsang, J. & Brion, S. (2003). Personality traits in adolescents as predictors of religiousness in early adulthood: Findings from the Terman longitudinal study. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (29), 980-991.
39. Phinney, J. S. & Ong, A. D. (2007). Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of Counseling Psychology*, (54), 271-281.
40. Van der Veer, P., Paul, T. V. & Hall, J. A. (1999). *Political Religion in the Twenty-first Century. International Order and the Future of World Politics*. Cambridge: University press.
41. Wallace, J. M., Forman, T. A., Caldwell, C. H. & Willis, D. S. (2003). Religion and U. S. secondary school students: Current patterns, recent trends, and sociodemographic correlates. *Youth Society*, (35), 98-125.
42. Wijeyesinghe, C. L. & Jackson, B. W. (2001). *New perspectives on racial identity development*. New York: NYU Press.

Статья поступила в редакцию 23.05.2014.

.....

STUDENTS' ETHNIC AND CONFESSIONAL IDENTITIES UNDER THE CONDITIONS OF WORSENING PROBLEMS OF CULTURAL AND CONFESSIONAL SAFETY OF THE MULTICULTURAL REGION

V. S. Dryagalov, M. S. Topchiev

Vjacheslav Sergeevich Dryagalov, leading expert of the Humanitarian Institute, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. E-mail: helios82@yandex.ru;

Mihail Sergeevich Topchiev, Candidate of Political sciences, leading expert of the Humanitarian Institute, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. E-mail: dc_mail@bk.ru.

The article analyzes how change in balance of youth's ethnic and confessional identities influence the system of cultural and confessional safety of the multicultural region. It is noted that the authors understand confessional safety not so much as a system to preserve the content of any confession and its religious aspect (which is more a prerogative of the religious safety) but as prevention of religion-based conflicts. A conclusion is made that one of the basic components of the mechanism for preserving cultural and confessional safety is correct formation of ethnic and confessional identity in the youth environment. The data of sociological researches which were conducted in 2010-2013 is a basis to track the dynamics of changes in ethnic and confessional markers of the cultural and confessional safety system in a multinational environment of the student youth. The poll was carried out on the basis of Astrakhan State University as this educational institution is an urgent platform to study the level of tolerance, cultural safety and to define to what extent the Astrakhan citizens feel comfortable, «safe» in such a multicultural and multiconfessional environment. It is explained with the fact that apart from representatives of the regional ethnic groups a number of students coming from the near and far abroad countries to the university are increasing year by year. Due to this fact a process of natural entry of others to the environment makes the majority of students definitely formulate their attitude towards representatives of other ethnic groups. The conducted research dynamics showed that the level of intolerance increased significantly over the three year period in the student environment. An anxiety level is rather high which indicates

problems in stability of the cultural and confessional safety system. It causes the desire of a major part of students to leave the region after being graduated.

Key words: confessional safety, religious identity, Astrakhan State University, sociological research, ethnic identity.

References

1. Andreev, A. P. (2005). *Natsionalnaya bezopasnost kak filosofskaya kategoriya* [National Security as a Philosophic Category]. Ufa: SOFIYa.
2. Arkhiepiskop Ioann (Popov), Vozmitel, A. A. & Khvylya, O. A. (2005). *Dukhovnaya bezopasnost Rossii* [Russian Spiritual Security]. Moskva: Logos.
3. Bepalenko, P. N. (2008). Konfessionalny faktor dukhovnoy bezopasnosti v politike sovremennoy Rossii [Confessional Factor of the Spiritual Security in Politics of Modern Russia]. *Nauchnye vedomosti Bel.GU* [Belgorod State University Scientific bulletin], 10 (50), 141-149.
4. Boden, J. (2000). *Metod legkogo poznaniya istorii* [Method for the Easy Knowledge of History]. Moskva: Nauka.
5. Vozhenikov, A. V. (2000). *Paradigma natsionalnoy bezopasnosti reformiruyushcheysya Rossii* [National Security Paradigm of Russia under Reforms]. Moskva: Izd-vo EDAS PAK.
6. Deryugin, Yu.I. (1997). Kontseptualnye osnovy politicheskoy bezopasnosti Rossii [Conceptual Framework of Russian Political Security]. *Politicheskaya bezopasnost Rossii: informatsionno-analitichesky byulleten* [Russian Political Security: Information and Analysis Bulletin], (29), 26-32.
7. Zapisotsky, A. S. (2002). Gumanitarnoe obrazovanie i problemy dukhovnoy bezopasnosti [Humanitarian Education and Issues of Spiritual Security]. *Pedagogika* [Pedagogic], 2, 3-8.
8. Zolotova, N. P. (1998). Teatr kak sotsiokulturny faktor dukhovnoy bezopasnosti strany [Theatre as a Social and Cultural Factor of Country's Spiritual Security]. *Analitichesky vestnik* [Analytical Bulletin], 4 (71), 45-47.
9. Ipatova, L. P. (2006) Pravoslavnaya identichnost kak personalny portret [Orthodox Identity as a Personal Portrait]. In *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii* [Civil, Ethnic and Religious Identities in Modern Russia] (pp. 171-176). Moskva: Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN.
10. Karpuhin, Yu.G. (2008). Armiya, pravookhranitelnye organy i religioznaya bezopasnost [Army, Law-Enforcement, Religion and Security] *Vestnik RGGU. Seriya "Pravo"* [RGGU Bulletin, Series "Law Sciences"], (5), 121-130.
11. Kuraev, A. (2004). *Khristianin v yazycheskom mire ili o naplevatelskom otnoshenii k porche* [Christian in the Pagan World or About a Devil-May-Care Attitude to Damage]. Moskva: Eksmo, Yauza.
12. Molchanovsky, V. F. (1997). Bezopasnost – atribut sotsialnoy sistemy [Security is an Attribute of the Social System]. In *Analiz sistem na poroge XXI-go veka: teoriya i praktika: mat-ly mezhdunarodnoy konferentsii* [Analysis of systems at the turn of the 21st century: theory and practice: materials of the international conference] (pp. 170-177). Moskva: Intellect.

13. Mchedlov, M. P. (2006). Religioznaya identichnost. O novykh problemakh v mezhtsivilizatsionnykh kontaktakh [Religious identity. On New Problems and Intercivilizational Contacts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (10), 26-38.
14. Mchedlova, M. M. (2011) *Mesto religii v sotsialno-politicheskom protsesse: tsivilizatsionnye osnovaniya i sovremennye tendentsii: avtoreferat dissertatsii ... d-ra polit. nauk* [Place of Religion in the Social and Political Process: Civilizational Grounds and Modern Tendencies: author's abstract of the thesis for Doctor of Political sciences]. Moskva.
15. Nysanbaev, A. & Kadyrzhanov, R. (2003). Bezopasnost Kazahstana [Security of Kazakhstan]. *Kazahstanskaya pravda* [Kazakhstan truth], (232).
16. Nashrueva, L. V. (2008). Sovremennye konfessionalnye protsessy (na primere Respubliki Kalmykiya) [Modern Confessional Processes (on the Example of the Republic of Kalmykiya)]. *Narody Kalmykii: problemy natsionalnogo samosoznaniya i tolerantnosti: sb. nauch. trudov* [Peoples of Kalmykiya: Issues of National Consciousness and Tolerance: collected scientific papers] (pp. 253-255). Elista: PGLU.
17. Perepelkin, L. (2000). Gosudarstvennaya natsionalnaya politika i problemy bezopasnosti v etnicheskoy sfere [State National Policy and Security Issues in the Ethnic Sphere]. *Konflikt – dialog – sotrudnichestvo* [Conflict – Dialogue – Cooperation], (2), 9-13.
18. Poslanie Generalnogo direktora YuNESKO g-na Koitiro Matsuury po sluchayu Vsemirnogo dnya kulturnogo raznoobraziya vo imya dialoga i razvitiya. (21 maya 2008 g.). [Message from the Director-General of UNESCO Mr. Koichiro Matsuura on the occasion of World Day for Cultural Diversity for Dialogue and Development (May 21, 2008)]. (2008). Retrieved from: <http://www.kyrnatcom.unesco.kz/press%20hq/press5.htm>
19. Puchala, D. J. (2003). Bezopasnost chelovecheskaya [Human Security]. *Globalistika: Entsiklopediya* [Global Studies: Encyclopedia] (pp. 63-65). M.: Raduga.
20. Romanova, A. P. (2009). Multikonfessionalnost kak faktor sotsialnoy stabilnosti [Multiconfessionalism as a Factor of Social Stability]. *Narody Prikaspiyskogo regiona. Dialog kultur: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy 400-letiyu dobrovolnogo vkhozheniya v sostav Rossiyskogo gosudarstva* [Peoples of the Caspian region. Dialogue of cultures: materials of the International research and training conference devoted to the 400th anniversary of the voluntary entry into the Russian state]. Elista: Izd-vo Kalmytskogo universiteta.
21. Romanova, A. P. & Marmilova V. O. (2008). Kulturnaya bezopasnost kak vazhneishy faktor natsionalnoy bezopasnosti [Cultural Safety as the Most Important Factor of National Security]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (2), 84-94.
22. Romanova A. P., Khlyshcheva E. V., Yakushenkov S. N. & Topchiev M. S. (2013). *Chuzhoy i kulturnaya bezopasnost* [Stranger and Cultural Safety]. Moskva. ROSSPEN.
23. Romanova, A. P. & Yakushenkov, S. N. (2013). Chuzhoy kak obyektivnaya realnost, dannaya nam v oshchushcheniyakh i razmyshleniyakh [Stranger as an Objective Reality Given to Us in Feelings and Thoughts]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], (2), 49-55.
24. Serebrennikov, V. V. (1996). *Sotsialnaya bezopasnost Rossii* [Social Security of Russia]. Moskva: RITs ISPI RAN.
25. Sikevich, Z. V. (1999) O sootnoshenii etnicheskogo i sotsialnogo [On Correlation of Ethnic and Social Aspects]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 11 (2), 71-79.

26. Flier, A. Ya. (1998). Kultura kak faktor natsionalnoy bezopasnosti [Culture as a Factor of National Security]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], (3), 181-187.
27. Shusteva, A. I. (2008). *Institutsionalno-pravovoe obespechenie gosudarstvenno-konfessionalnoy bezopasnosti v postsovetskoj Rossii*: avtoref. dissertatsii ... kand. jurid. nauk. [Institutional and Juridical Support of State Confessional Safety in the Post-Soviet Russia: author's abstract of PhD thesis in Law Sciences]. Rostov-na-Donu.
28. Arweck, E. & Nesbitt, E. (2010). Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? *Journal of Contemporary Religion*, (25), 67-87.
29. Berger, P. L. & Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.
30. Ennaji, M. (2005). *Multilingualism, Cultural Identity, and Education in Morocco*. Boston: Springer Science & Business Media.
31. Forrest, S. (2004). Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. Retrieved from http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21
32. Harker, K. (2001). Immigrant generation, assimilation, and adolescent psychological well-being. *Social Forces*, 79 (3), 969-1004.
33. Hirschman, C. (2004). The role of religion in the origins and adaptations of immigrant groups in the United States. *International Migration Review*, 38 (3), 1206-1233.
34. King, P. E. & Boyatzis, C. J. (2004). Exploring adolescent spiritual and religious development: current and future theoretical and empirical perspectives. *Applied Developmental Science*, (8), 2-6.
35. King, V., Elder, G. H. & Whitbeck, L. B. (1997). Religious involvement among rural youth: An ecological and life-course perspective. *Journal of Research on Adolescence*, (7), 431-456.
36. Linz, J. J. (1996). Der religiöse Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion Ersatzideologie gegen Ersatzreligion. "Totalitarismus" und "Politische Religionen". *Konzepte des Diktaturvergleichs* (pp. 125-140). Paderborn: Ferdinand Schöningh.
37. Maier, H. (1995). *Politischereligionen. Die totalitären regime und das Christentum*. Freiburg; Basel; Wien.
38. McCullough, M. E., Tsang, J. & Brion, S. (2003). Personality traits in adolescents as predictors of religiousness in early adulthood: Findings from the Terman longitudinal study. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (29), 980-991.
39. Phinney, J. S. & Ong, A. D. (2007). Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of Counseling Psychology*, (54), 271-281.
40. Van der Veer, P., Paul, T. V. & Hall, J. A. (1999). Political Religion in the Twenty-first Century. *International Order and the Future of World Politics*. Cambridge: University press.
41. Wallace, J. M., Forman, T. A., Caldwell, C. H. & Willis, D. S. (2003). Religion and U. S. secondary school students: Current patterns, recent trends, and sociodemographic correlates. *Youth Society*, (35), 98-125.
42. Wijeyesinghe, C. L. & Jackson, B. W. (2001). *New perspectives on racial identity development*. New York: NYU Press.